СЪЕЗДИЛА В ГОСТИ...

Да, паря, дефки, приташши́ла мне письмо почтовска, парень из городу отправил. Я с ума сошла ради Христа, всё ли ладны? Он вить как всё-то добром, дак не шибко пишет.

"Добрай день, мать!

Во первы́х строка́х своево письма спешу сообшить от тебя письмо получили. Плачешь, што редко пишу. Нековды мне с письмами сидеть. Пристаём без ума, день и ночь обои с Раисой на работе. Домой придёшь, а там че́лядь нады привести из ясле́й. Да за продухтами в лавку сбегать. Тут тебе не в деревне, што всё под руками. Веришь-нет, которай раз нековды вечером бутылочку пива выпить! Из мо́чи вышли. Сичас вот ждём отпуск. Подумывам съездить куды-нить на курорты. Так што этот год меня не дожида́й.

Да не здумай картошки сама рыть! Пензия у тебя хороша, наймёшь ково-нить. Тунеядцев полно, за бутылку всё сделают.

Остаюсь твой сын Роман."

Ково делать? Какой лешак эти города нагородил, што весь народишко бьётца в них без сну, без отдыху?! И хто их бедных пожалет, как не родима мамка?

Расклеви́л меня Ромаха. Всю жись за ночь передумала. Мы с нём друг дружку не приголубим, дак боле нас пожалеть некому... Одне остались на всём белом свете.

Нады ехать! А как поедешь с простыми руками? Вот дак здоро́во живёшь, скажут, явилась... Я вить к ним первай раз собралась... Дак и оне не бывали тут. Ромаха се́мью-то свою толькя на карточке и казал.

Думать нековды, стала складыватца. Сальца положила килограмчика четыре, пятилитровай туесок рыжиков солёных, в двух стеклянках сметаны да маслица. Да тово-другово по-маленькю (умом-ту думаю – базарно имя́ надоело, дак пушай своёво поедят в охотку). Ково в поня́гу склала, а хто не вошло пришлось мешок доставать. Дорожку нову на подарок поло́жила – ишшо свекровка ткала, царство небёсно. Почти што нено́шена. Два раз, однако, стелила к Новому году да на майски празники, ли чё ли.

Подумала-подумала, в другой куль картошек свежих подкопнула.

Да и поехала... Пособло́, стало быть, сколь могу. Пушай мать добром поминают...

На станции мне подфартило у поезду стречали наших же деревенских, да и меня довезли к самому ко крыльцу.

Всю себя изругала пошто радиоргамму не отбила? Пожалела пятитку, беспута... Думала, багажу не вного, дак сама доташшусь.

Вот уж кругова дак кругова... Простояла день под дверью! Раиска с челядью в семом часу домой-ту явилися.

Ну не шибко же сноха-то мне радовалась... Сходу давай трясти документы, мол шляютца всяки. Всё прочитала. Спасибо, хоть домой запустила да указала, куды манатки складывать.

А сама на месте несколь не стоит. До чево вертуча – неможно́ разглядеть! В колидоре огонь не зажигат, вижу толькя што бабёнка-то нам незажи́вна попала... Ни спереду, ни сзаду никово нету... Уж не хворат ли чем, оборонишна мать? Ой, ради Христа, у Ромахи глаз-ту наготóво нету стало быть... Уж ково он на неё кинулся? Побашше-то бабёнки не нашлося? Ну дак каждому мужику охота на хорошей женитца, добры-то бабы и в городах не залёживаютца. Вот, пока Ромаха думал, их всех подчисту и расхватали, эта уж сама распоследня была... Заманила видать как-то, да и опу́тала парня.

Гляжу, пошла она в куть... хочь бы чайку горечево налила, у меня уж язык к нёбу присох. Да я бы и поись не отказалась – за весь день крошки в рот не брала – от багажу-то не убежишь, живо подберут добры люди!

В куте́ Раиса всё же огонь добыла, нады успевать глядеть... А она, дефка, зад-перёд снуёт то в куть, то на́избу. У меня от мельтешення какэсь тёмно в глазах заспе́лось. Она где эка бука-то выросла?! Свекровка впе́рвы сроду к ней приехала, а невеска не то што гостей позвать поздоровалась и то скрозь зубы!

Уж чава-чаво, а у нас на Ангаре-то стречать уме-е-еют!.. Хто бы ни зашёл-ни заехал, хозяйка-то не знат, куды их посадить, чем по́тчевать. Маменькя, царство небёсно, бывало, от плиты не отходит, жарит-па́рит. А после управы – все за стол! И пивка попьёшь. И пирогами брюхо набьёшь. И обо всём на свете переговоришь.

Спать-то хозяева сами на пол лягут, а гостей на свою койку положат. Это вить как што не уваже́нне!

А эта? Посадила меня в куте́, сунула кружку кипятку с печенюшками, а сама давай бегать подбиратца да стиратца. Друго время не нашла, вся урод! На челядь ревёт, Ромаху отчитыват, а в куть заглянуть нековды. Сижу одна, как репа!

Я ково бытто одна-то тут насижу? Я вить ехала на невеску да на мнучат поглядеть.

Пошвыркала я чайку… В куте-то све́тло, счас уж я её пу́шше разгляжу. Дак она разе даст?

Ты, родима, присяла бы на жопу-то, да обсказала, как поживаете. Меня ково боятца-то – я вить не кусаюсь. Свекровка тебя в глаза не видывала, а ты скачешь, как вошь на гребешке...

Ва-а-ай, да её хто разглядит? Вся изукрашена, живово места нету... И напудрена и нарумянена... Брови подведёны, губы красны, подглазья впро́зелень…

Да вся-то расфуфырена! Дикалоном пахнет, коло неё здохну́ть нельзя, какэсь рот захватыват! Это на каку-таку работу е́дак наряжаютца, да дикалонятца?!

Ну я не утерпела:

- Ты почево, ради Христа, себя эдак уродуешь? Не по лешака ли вы́патралась? Иди-ка умойся - однако на каждой шшеке по килограмму краски-то... До меня доведись, я бы тоже с просоння-то испужалась… А челядёнку вного ли нады? Думашь ли нет своёй головой? Это вить ребят на всю жись зайками можешь сделать...

Ох она и сбры́ндила!!! Сама из-за стола выскочила и ребят уташшила. Слышу, ругатца скрозь слёзы. Ково бытто я сказала?

Вот и живу я в этом городе. Неделю живу. Дак и́здива вышла!

Мы вить привышны рано спать ложитца ну и стаём с петухами... А тут с разговорами да с переживаннем долго уснуть не могла, вся извертелась.

А в три часа как шилом в бок ткнули! Живо соскочила, завтрик направила. Ромаха-то безума любит картошки жарены, да ишо с рыжичками солёными. Куды слашше-то?! Сижу в куте́. Думаю, дай-ка ишшо сальца нарежу. Всё сытне́, на весь день вить убегают...

Час прошел... Другой доходит... Нехто не стаёт.

Сижу, а у самой кошки на душе скребутца, время-то дивно, са́ма ста́вальна пора. У нас к пяти часам уж сама ленива бабёнка со своим скотом управитца и на работу в колхоз убежит. А тут скоро пять...

Дак с нимя́ уж всё ли ладны?

Пошла я тихонькю к имя́ в горницу... Мамы родимы - все ло́ском спят! Толькя хропото́к стоит. Хто чево?

Стою, не знаю ково делать. Умом-ту думаю, доспят допосле́ду на работу обробеют. И будить боюся – вишь, невеска-то кака? Не шибко гладка. Не дай Бох, не́любо покажетца.

Хоть матушку репку пой!

Постояла ишшо да и придумала - а дай-ка я чем-нить в куте́ побрякаю!

Пошла сковородки перебирать...

Но, де-е-ефки, она не до-о-олго соскакивала!!! Толькя три слова рявкнула я сразу спомнила, ковды им ставать нады.

До чево сердиту́шша! Сколь дён прошло, а она на меня косым не глядит. Кажнай вечер скрозь заборку слышу как она Ромаху моёво едо́м ест, какэсь к концу пригонят - отправляй да отправляй эту дуру

деревенску обратно. Видать незлюбила она меня. А ково я ей сделала, окроме хорошево? Одново добра сколь навезла, дак не пересказать!

Родню-то оне всё же созвали. Гости давай расспрашивать, хто я да откуль. Мне и обсказать бы охота, дак я вить не без глаз, вижу, што при каждом ма́терином слове красе́ют, стыдятца моёво разговору. Ей Бох, хоть рот себе платком запечатывай. Ничё не скажу на стол полно всево наставили. Людя́м-то и мяско́, и рыбку, и стряпню. А ко мне под нос - чашку с винагретом сунули. Чашка-то, мамы родимы, полугодова́лово челядёнка мыть можно. Думали, я в три горла ись буду. Весь вечер давилась этим винагретом. Из-за стола какэсь го́лодом вы́ползла. Потом уж со стола убирала, дак похватала с чашек тово да сево, вот и вся моя у́жна.. После этово я зарок дала – боле при гостях за стол не садитца.

Я в людях-то жить непривы́шна, ни ись, ни пить не могу. За столом не знаю, куды руки девать. Да и тоскливо по всему-ту дню одной. У нас вить с хозяйством-ту до́ дому не дотыка́сся. Здря рассиживатца нековды, не видишь как день прошел. А тут с крыльца одной спуститца и то боязно. Как в КПЗ неделю отсидела.

У невески-то я не хозяйка, за што ни схвачусь - всё не по её делаю! Была бы она здорова, дак я бы ей ответила. А этой слово скажи, она три дня с обвязанной головой по избе ходить будет! Потом не знашь, с каково боку к ней подъехать. Ну-ка вить как устроилась?! Мужик боитца рот отворить…

Никово доброво в этом городе нету. Окроме тёплой уборной.

Пораскинула мозгами – поглядела, как живут и хватит. Кака из меня гостья?

Сроду не гостила, нечево и начинать. Оне со мной тоже уж пристали.

Поеду обратно... Дома рабо́тишши – не переделать. Одново сена сколь припасти нады. Потом картошки вырыть.

Нанимать никово не буду всё лишна копейка останетца. Молоды в отпуску издёржатца, а я как раз и пошлю переводом хоть полторы-две десятки...

В гости-то меня боле нихто не позовёт, а как деньжонки получат, можеть Ромаха ишшо раз письмишко напишет.

И то давай суды…